

Вэй Хо с силой хлопнул его по твердым мышцам на груди и, выпучив глаза, сказал:

— Мечтать не вредно. Я тебя до ванны донести еще могу.

Цинь Хуай с трудом приподнял веки, поднял руку и прикрыл ею руку Вэй Хо. Их ладони соприкоснулись, и Вэй Хо почувствовал под своей ладонью ритмичные толчки — это билось сердце Цинь Хуая.

В комнате мягко мерцал свет свечей, старый желтоватый свет отбрасывал смутные, колышущиеся тени.

Вэй Хо вдруг почувствовал в глубине сердца какое-то щекотание — словно на поле посеяли зерна и теперь наблюдаешь, как они буйно прорастают.

Сам не зная почему, он произнес бессвязную фразу:

— Когда я увидел, как ты с той девушкой запутался... Мне стало досадно.

Он не стал вдумываться, просто высказал то, что вертелось в голове.

Цинь Хуай смотрел на сидящего у кровати человека. Он не знал, не от хмеля ли это, но сейчас Вэй Хо казался ему красивее любого мужчины или женщины, которых он когда-либо видел.

Он еще помнил, каким Вэй Хо был в детстве — круглым и милым, словно рисовый колобок, каждый день бегал за ним и звал братец. Теперь почти перестал, и от этой мысли стало немного грустно.

За окном прокричал дикий кот, и оба очнулись.

Помог ему снять одежду, Вэй Хо поддержал Цинь Хуая, и тот сел в ванну.

Из-за их предыдущих проволочек вода уже успела из горячей стать теплой, но, к счастью, стояла летняя жара, и струйки, стекавшие по коже, приносили приятную прохладу.

Цинь Хуаю в этом году исполнилось семнадцать, и он полностью сформировался. Благодаря многолетним тренировкам для укрепления тела, мышцы на его груди, животе и спине были рельефными; когда он поднимал руку, бицепсы играли, излучая мощную красоту.

Вэй Хо постоял рядом мгновение, видя, что тому тяжело, взял полотенце, придвинул маленькую скамеечку и сел у ванны. Смочив полотенце, он приложил его к труднодоступной шее и спине Цинь Хуая, протирая их. Пока тер, он украдкой взглянул на свое собственное телосложение и с досадой обнаружил, что ему далеко до такого, хотя они почти ровесники.

Но Вэй Хо лишь подумал об этом — заставлять себя, как Цинь Хуай, каждый день рано вставать и тренироваться, месяцами подряд, он бы не смог. Слишком утомительно.

Помывшись, они быстро потушили свет и заснули.

*

На следующий день был выходной. Вэй Хо проспал, поднявшись только в пятый час утра.

Летний зной стоял такой, что даже в тонкой одежде пот постоянно проступал, что раздражало. Книжки тоже не шли в голову. Вэй Хо махнул рукой, схватил веер из пальмовых листьев,

расстегнул одежду, улегся на циновку и начал обмахиваться, слушая, как стрекот цикад проникает в комнату сквозь оконную решетку. Было довольно беззаботно.

По сравнению с этим, он еще больше восхищался силой воли Цинь Хуая — в такую жару тот все еще фехтовал на мече и работал с копьем во дворе. Вот это упорство.

Обмахивая себя, он постепенно начал дремать, вскоре голова склонилась набок, и он погрузился в сонное забытие.

Цинь Хуай, сделав перерыв в тренировке, зашел в дом и увидел Вэй Хо, лежащего на боку на постели с расстегнутым воротом, даже обувь не снявшего, сладко посапывающего. Тот спал так крепко, что даже не заметил, как веер выпал у него из рук.

Он тихо положил меч на стол, подошел, поднял веер и поставил его на табурет у изголовья.

Как бы осторожно он ни двигался, шума не избежать. Вэй Хо, казалось, что-то почувствовал, во сне слегка перевернулся, сменив позу. Его одежда распахнулась еще шире, обнажив большую площадь белоснежной кожи, которая предстала перед глазами Цинь Хуая. На той белизне, словно две нежные цветочные почки, просматривались соски. Вэй Хо спал сладко, черные волосы рассыпались по подушке, на щеках легкий румянец, губы алые, мужественные, но с изящными чертами.

Увидев это, дыхание Цинь Хуая перехватило, сердце дрогнуло, и появилось беспричинное напряжение.

Даже после долгой тренировки под палящим солнцем он не чувствовал такого беспокойного жара, как сейчас, стоя здесь.

Проснувшись, Вэй Хо был весь в горячем поту, вскочил и какое-то время в растерянности не мог сообразить, который сейчас час, прежде чем немного пришел в себя.

Прикрыв рот, он зевнул, повернул голову и увидел тонкое одеяло, которым был укрыт. Удивился — в такую жару он еще и укрылся, неудивительно, что проснулся от духоты.

Но заснуть уже не мог. Помахал немного веером, затем встал и пошел почитать.

К их обоюдному удивлению, после полудня нагрянул неожиданный гость.

Усадив Мин Чэня, Вэй Хо заварил чай, пытаясь повторить движения чайного мастера, которых он однажды видел в резиденции Ху, но, попробовав сам, почувствовал, что вкус все же не тот.

Однако Мин Чэнь не поспешил на похвалы, прямо заявил, что вкусно, и выпил еще чашку.

— В тот раз ты выручил нас, и нам правда стоит как следует отблагодарить тебя, — сказал Вэй Хо. — Но в последнее время у нас тут дел много, да и боялись тебя потревожить, вот и не навещали.

Мин Чэнь поспешно ответил:

— В прошлый раз мы только познакомились, ничего страшного. Отныне не стоит так церемониться. Нам троим года примерно равные, мы сверстники, наедине можно обходиться без почтительных обращений.

Вэй Хо согласился.

Мин Чэнь сказал:

— Вы правильно сделали, что не искали меня. Если честно, с той встречи я тоже хотел вас навестить, но отец отправил меня на несколько дней к бабушке, вернулся в Цзяньгу только вчера. Если бы вы пришли, меня бы не застали.

Хоть Мин Чэнь и был отпрыском знатного рода, в его манерах и речи не было высокомерия. Трое беседовали оживленно, без всяких барьеров или предубеждений.

Цинь Хуай успешно сдал военный экзамен, и Мин Чэнь, приходя в гости, тоже приготовил скромный подарок — изящный кинжал. Ножны были простыми и невзрачными, но, вынув клинок, можно было увидеть острое лезвие. Сам клинок был небольшим и изящным. Цинь Хуаю он очень понравился, и он искренне поблагодарил.

— Я пришел сюда еще с одной целью, — сказал Мин Чэнь. — Цинь Хуай, тебе уже не о чем беспокоиться, а мне с Вэй Хо еще предстоит участвовать в следующем году в гражданском экзамене. Через несколько дней я тоже собираюсь поступить в Академию Чаньинь. Я узнал, что ты учишься у наставника Чан Жуна, и хотел бы попасть к нему же. Не мог бы ты меня представить?

Услышав это, Вэй Хо недоуменно спросил:

— Представить? Ты — сын начальника области, а у меня и родословной-то приличной нет. Как же я могу быть твоим поручителем?

— Не совсем так. С другими, может, и да, но ты же у него учишься и наверняка знаешь, что наставник Чан — человек особенный, не любит подношений. Чтобы стать его учеником, нужно лично принести ему свои сочинения. Но новый учебный год уже начался, и, наверное, у наставника сейчас много хлопот, не сможет выкроить время на встречу со мной. Поэтому я хотел попросить тебя передать ему мои скромные труды. Если они ему понравятся, можно будет договориться о времени, и я нанесу визит. Так будет лучше.

Он все продумал до мелочей, и Вэй Хо, естественно, не стал колебаться, согласился, и, придя в академию, передал сочинения Мин Чэня Чан Жуна.

Спустя два дня Вэй Хо забрал у Чан Жуна сборник сочинений.

Чан Жун дал ответ:

— Статьи я просмотрел, написаны неплохо, но передай ему, пожалуйста, что я не возьму его в ученики.

Эти слова сильно удивили Вэй Хо, и он не удержался от вопроса.

Сочинения и стихи Мин Чэня он читал, стиль был свободным и плавным, нешаблонным, идеи глубокими. Вэй Хо признавал, что талант Мин Чэня не уступает, а то и превосходит его собственный, поэтому ответ Чан Жуна вызвал у него недоумение.

Чан Жун взглянул на него, почесал пальцами виски и лишь кратко произнес:

— Идущие разными путями не станут сообща строить планы.

Вэй Хо еще больше озадачился:

— Брат Мин во многом разделяет мои взгляды, почему же вы так говорите, наставник?

Чан Жун скосил на него глаза, заложил руки за спину, поднял голову, глядя на дождевую завесу под карнизом, и сказал серьезным тоном:

— Я просто так чувствую, не обязательно, что это правда. Тебе тоже не стоит принимать мое суждение за истину в последней инстанции. Но учить трех учеников и так достаточно утомительно, сил на четвертого уже нет. Так что помоги мне ему отказать.

Вэй Хо:

— ...Хорошо.

Он вспомнил других наставников в академии, у которых были десятки учеников, потом подумал о своем наставнике и на мгновение онемел от неожиданности.

Вэй Хо больше не стал спрашивать, вернул сборник сочинений Мин Чэню, но, подумав, не передал ему слов Чан Жуна.

Мин Чэнь, конечно, был расстроен. В сердце каждого ученого живет некоторая доля высокомерия — будь то гордость или надменность, но в целом это уверенность в собственном таланте. После отказа естественно осталось чувство неудовлетворенности.

Вэй Хо утешил его:

— Наставник по характеру любит покой и безмятежность. Он говорит, что учить нас троих и так достаточно тяжело, отказал тебе не из-за недостатка знаний, не расстраивайся.

Мин Чэнь криво улыбнулся, вздохнул и сказал:

— Да, у меня с наставником Чаном нет судьбы. Раз так, подумаю о другом учителе. В любом случае, спасибо, что помог.

Вэй Хо улыбнулся:

— Что ты, пустяки. Это я должен отблагодарить тебя за помощь тогда.

Через несколько дней Мин Чэнь тоже поступил в Академию Чанъинь, к очень опытному старцу. Хотя тот и не мог сравниться с Чан Жуном в остроте суждений и известности, но знаниями ничуть не уступал.

<http://bllate.org/book/15583/1387745>